

DOI 10.35775/PSI.2025.128.11.021

УДК 327

К.А. ЛАРИОНОВА

аспирант кафедры Политология
Дипломатической академии Министерства иностранных дел
Российской Федерации; Администратор проекта,
АО «Росатом энергетические проекты»,
Россия, г. Москва
E-mail: kamik909@mail.ru
SPIN-код 7435-7115

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ: Р.Н. ШАНГАРАЕВ

доктор политических наук, кандидат экономических наук,
доцент, доцент кафедры стратегических коммуникаций и государственного
управления Дипломатической академии Министерства иностранных дел
Российской Федерации; главный редактор журнала
«Вестник ученых-международников»,
Россия, г. Москва

СИРИЯ КАК ЗЕРКАЛО ОТНОШЕНИЙ: МОЖЕТ ЛИ МОСКВА И АНКАРА НАЙТИ ПОСТОЯННОЕ РЕШЕНИЕ?

В статье предлагается аналитическая модель «управляемой конкуренции» для объяснения устойчивости российско-турецкого взаимодействия на сирийском направлении: показано, что баланс между кооперацией и соперничеством поддерживается через институциональные связки Астанинского формата, параллельные силовые практики и взаимозависимости в энергетике и миграции. Методологически работа опирается на процесс-трейсинг, сравнительно-исторический и институциональный анализ, а также на кейс-стади по ключевым эпизодам (инцидент с Су-24, эволюция формата «3+3», операции Турции на севере Сирии, российская военная кампания). Научная новизна состоит в концептуализации Сирии как «полигона со-производства порядка», где разногласия не устраняются, а кодифицируются в виде минимальных правил деэскалации и обмена допусками к зонам влияния; показано, что долговечность режима определяется степенью институционализации разногласий под внешним давлением со стороны США, Израиля и Ирана. Результаты демонстрируют, что «постоянное решение» в рассматриваемой конфигурации не тождественно финальному миру и выступает как стабилизация управляемой неопределенности, снижающая издержки конфликта при сохранении пространства маневра для сторон. Практическая значимость связана с возможностью использования предложенной модели для проектирования «дорожных карт» нормализации Анкара – Дамаск, калибровки параметров энергетического хаба и выстраивания совместных механизмов управления миграционными потоками.

Ключевые слова: управляемая конкуренция, Астанинский формат, региональная безопасность, треугольник Россия – Турция – Иран, энергетическая взаимозависимость, миграционная политика, Восточное Средиземноморье.

Введение. Несмотря на разногласия Москвы и Анкары по Сирии, Ливии, Кавказу и в акватории Черного моря, двусторонняя кооперация продолжает углубляться. Б. Айар и О. Арслан полагают «... что растущие антизападные настроения как в России, так и в Турции в сочетании со стремлением двух стран взять на себя центральную роль в многополярной глобальной системе служат катализаторами расширения сотрудничества между ними» [3. С. 121]. В 1957 г. СССР и Турция балансировали на грани прямого столкновения: Хрущев оказывал поддержку Сирии, ориентировавшейся на союз с Египтом и проводившей жесткую линию в отношении Израиля; Анкара, встраиваясь в стратегию Вашингтона, склонялась к поддержке еврейского государства. В 1970-1980-е гг. США и государства Западной Европы, опасаясь просоветского дрейфа Турции, целенаправленно подпитывали в ней антисоветские настроения, и это во многом дало эффект. Тем не менее, советско-турецкое сотрудничество не прерывалось [10. С. 64, 66, 67]. Современная динамика российско-турецких отношений показывает, что многослойная история взаимного соперничества и вынужденного партнерства трансформировалась в своеобразный «прагматический симбиоз», где стратегическая конкуренция и сотрудничество существуют не как противоположности, а как взаимозависимые механизмы политического выживания двух держав в условиях меняющегося мирового порядка.

Современная мировая система переживает глубокую турбулентность. Линии размежевания проступили как по оси США – Китай, так и по контуру Запад – Россия. Если в первом случае пределы конфронтации еще не пересечены, то во втором исход увязан с результатами вооруженного противостояния. Продвигаемая Москвой модель постгегемонистского, более равноправного устройства – многополярная архитектура – находит наибольший отклик у стран развития [23. С. 170]. Вмешательство российских ВКС в сирийский вооруженный конфликт радикально скорректировало баланс в Сирии и вокруг нее: Москва стала центральным участником сирийского узла, с чьей позицией вынуждены были соотноситься США, европейские столицы и ключевые региональные игроки – Турция, Иран, Королевство Саудовская Аравия. Анкара, исполняя принятые на себя обязательства, регулярно выстраивала сложный маневр между США, Россией и Ираном, чтобы удерживать достигнутые договоренности [8. С. 159, 162, 163]. Сирийский конфликт стал не только ареной силового соперничества, но и пространством, где Москва и Анкара вынужденно отработывают модель сосуществования в новой многополярной реальности, проверяя на прочность баланс между конкуренцией и необходимостью взаимного признания своих региональных амбиций.

Российско-турецкие отношения в сирийском контексте отражают не традиционную модель союзничества или противостояния, а формирование гибридного типа взаимодействия, где пересечение интересов становится источником

не конфликта, а взаимного принуждения к сотрудничеству. Сохраняя автономность стратегических целей, Москва и Анкара выстраивают особую архитектуру прагматического равновесия, в которой управляемая конкуренция превращается в инструмент поддержания влияния обеих держав в условиях тектонического сдвига мировой системы.

Историко-концептуальные основания взаимодействия Москвы и Анкары по сирийскому треку. 16 марта 1921 г. в Москве был заключен советско-турецкий договор о дружбе и братстве, имевший для Анкары исключительное значение. Стороны зафиксировали намерение выстроить устойчивые, открытые и неделимые дружеские отношения. В дальнейшем на повестку выходили и вопросы более широкого плана, включая сирийское урегулирование; важной площадкой стал Астанинский формат, опирающийся на договоренности по результатам российско-турецко-иранского саммита (видеоконференции) 1 июля 2020 г. [1. С. 9, 14]. Как отмечают М. Санаи и К. Хушьяр «В случае с российским Су-24 дело дошло до того, что большинство политологов ожидали войны. Но в итоге это не только не произошло, но и две страны перешли к сотрудничеству и новым инициативам в отношениях. Именно после этого инцидента был запущен Астанинский процесс с участием трех стран – России, Ирана и Турции – по урегулированию сирийского кризиса». Вовлеченность Москвы и Анкары в сирийскую повестку держится не на ценностной общности или взаимном доверии, а на прагматичном понимании: действуя порознь, ни одна из них не достигает желаемых результатов [22. С. 206, 213]. Эволюция от договора 1921 г. к совместному кризис-менеджменту в Сирии показывает, что российско-турецкое партнерство способно возрождаться не из идеологической близости, а из осознанной необходимости сдерживать хаос там, где пересекаются их интересы и пределы влияния.

Анкара пришла к выводу, что создание устойчивого «пояса стабильности» вокруг своих границ невозможно без формирования собственного влияния в соседних регионах, свободного от внешнего диктата. Когда дипломатические инструменты не обеспечили желаемого эффекта, Турция прибегла к использованию военной силы, закрепившись как значимый участник региональных конфликтов. Выступая посредником в урегулировании давних споров и демонстрируя готовность отстаивать национальные интересы, страна стремилась утвердиться в роли ключевого игрока ближневосточной политики. После закрепления позиций на военных и политических направлениях Турция вновь акцентировала внимание на обновленной версии курса добрососедства. Сегодня, обладая инструментами давления и авторитетом, Анкара способна продвигать собственную повестку в переговорах, заставляя партнеров учитывать ее приоритеты [13. С. 8, 12, 13]. Реагируя на вызовы изменяющейся международной среды, турецкое руководство провело радикальную переоценку внешнеполитических принципов. Вектор был перенесен на стратегическую автаркию – стремление к автономии от союзников по НАТО в вопросах обороны и безопасности. В энергетической сфере зависимость Турции от российских поставок нефти и нефтепродуктов остается определяющей: Россия занимает первое место среди

экспортеров углеводородов для турецкой экономики. В условиях текущей глобальной турбулентности это придает сотрудничеству дополнительное значение, так как российские энергоресурсы воспринимаются Анкарой как более надежные и экономически выгодные по сравнению, например, с арабскими [9. С. 151, 155]. Переход Турции от идеалов добрососедства к стратегии автономии показал, что ее региональная активность опирается не на консенсус, а на способность гибко сочетать силу, экономическую взаимозависимость и выборочную кооперацию с Россией как инструмент упрочения собственного суверенитета.

Историческая логика российско-турецких отношений показывает, что их устойчивость рождается не из совпадения интересов, а из умения институционализировать противоречия, превращая конфликты в управляемые точки пересечения стратегий. В сирийском направлении эта взаимная адаптация обрела форму прагматического равновесия, где конкуренция за влияние не разрушает, а, напротив, подпитывает необходимость сотрудничества как единственного способа удержания контроля над региональной нестабильностью.

Сирийский театр как арена конкуренции акторов и тест на устойчивость формулы Москва-Анкара. Москва, Тегеран и Анкара исходят из того, что эффективность региональной архитектуры безопасности на Кавказе возможна лишь в формате «3+3». При этом Южный Кавказ для этих государств не замыкается в собственных границах – он связан с ближневосточными, центральноазиатскими и европейскими направлениями. Таким образом, трехсторонний контур «Россия-Иран-Турция» в регионе формируется на основе разнородных, но пересекающихся интересов: для Москвы и Тегерана это прежде всего вопросы национальной безопасности, для Анкары – зона реализации многовекторного подхода [11. С. 129, 136]. Астанинский формат позволил снизить уровень прямой конфронтации и придать диалогу политический характер, что сделало возможным частичное согласование действий сторон в сирийском урегулировании [15. С. 55]. Треугольник «Россия-Иран-Турция» превращается в гибридный механизм регионального балансирования, где каждая сторона использует формат сотрудничества не для устранения противоречий, а для удержания их в управляемом состоянии, обеспечивающем собственное стратегическое присутствие от Кавказа до Леванта.

Иран занимает позиции, во многом совпадающие с российскими. Обе страны едины в стремлении ограничить влияние США на Ближнем Востоке, отстаивают право Ирана на развитие мирной ядерной программы и противостоят санкционной политике Вашингтона. И Москва, и Тегеран выступают за сохранение территориальной целостности Сирии и сохранение действующих государственных институтов, разделяя взгляд на формирование многополярного мирового порядка [5. С. 170]. Сирийский кризис стал индикатором для Ирана: Дамаск рассматривается Тегераном как ключевой элемент собственной системы национальной безопасности. Сохранение Сирии в орбите иранского влияния означало расширение стратегической глубины страны в регионе. Укрепление иранских позиций в САР, однако, имело двойственный эффект: с одной стороны, это

усилило позиции Тегерана, с другой – обострило его противостояние с Израилем и усложнило баланс интересов с другими крупными игроками сирийского поля [7. С. 68, 71]. Роль Ирана в сирийском конфликте проявила его стремление превратить военную вовлеченность в инструмент стратегического самоутверждения, при этом невольно сделав Тегеран фактором, который одновременно укрепляет и ограничивает координационные возможности Москвы и Анкары.

Региональный треугольник «Россия-Иран-Турция» стал не союзом и не коалицией, а динамичным полем пересечения интересов, где партнерство формируется на границе взаимных ограничений и вынужденной зависимости. В сирийском контексте эта конструкция выступает лабораторией новой геополитической реальности, в которой сохранение баланса между конкуренцией и сотрудничеством становится главным условием устойчивости регионального порядка.

Узлы напряженности: США, курдский фактор, Израиль и Восточное Средиземноморье. Наиболее конфликтным аспектом сирийского досюда для Анкары и Вашингтона остается использование американской стороной курдского ресурса. США делают ставку на партию «Демократический союз» (PYD) и ее вооруженные структуры – Отряды народной самообороны (YPG), обеспечивая их вооружением и материально-технической поддержкой [16. С. 138]. После неудавшегося переворота в Турции внешнеполитический вектор Анкары претерпел резкую переориентацию: страна фактически вышла из статуса традиционного союзника США, что сразу отразилось на активности ее европейских партнеров. Турецкое руководство начало целенаправленно противодействовать американской политике как в сирийском, так и в региональном измерении, что повлекло значительное охлаждение двусторонних отношений. На Ближнем Востоке позиции США и их западных союзников ослабли под воздействием внутренней непоследовательности политики и усиления роли других центров силы – Турции, России, Ирана и Саудовской Аравии [21. С. 38, 40]. Курдский фактор превратился для Анкары и Вашингтона в точку стратегического разлома, где различие их приоритетов в Сирии оголило глубинный конфликт между имитацией союзничества и реальной борьбой за контроль над архитектурой региональной безопасности.

Израильская армия объяснила нанесение ударов по сирийской территории ответом на ракетные обстрелы, осуществленные 14 октября с территории САР. По данным агентства Reuters, целью таких операций становится разрушение логистики поставок иранского вооружения в Сирию. В ответ Россия, Иран и Сирия договорились о создании единого координационного комитета, способного помочь Дамаску противостоять деятельности израильских разведслужб, активно вербуящих агентов в районах Кунейтры, Дераа и Друзских гор. По оценкам экспертов, иранские и российские спецслужбы пришли к единому выводу – сирийские структуры безопасности не располагают достаточными возможностями для противодействия израильскому влиянию на юге страны [6. С. 50]. Американское вмешательство, кульминацией которого стало вторжение в Ирак,

оформило переход к новой региональной конфигурации – как в Персидском заливе, так и в Восточном Средиземноморье. США стремились укрепить позиции Израиля, ограничить потенциал Ирака и Ирана, поддерживать инфраструктуру НАТО и контролировать критически важные морские маршруты, по которым проходят основные энергетические потоки. В 2019 г. Конгрессом США был рассмотрен «Закон о безопасности и энергетическом партнерстве в Восточном Средиземноморье» (Eastern Mediterranean Security and Energy Partnership Act of 2019, S1102), предложенный сенаторами Марко Рубио и Бобом Менендесом. Его ключевая цель – поддержка совместных энергетических инициатив Израиля, Кипра и Греции, ориентированных на формирование альтернативных маршрутов поставок газа в Европу [17. С. 89, 91]. Израильский вектор в сирийском конфликте обнажил превращение Восточного Средиземноморья в арену, где военные удары, энергетические проекты и дипломатические альянсы сплетаются в единую стратегию контроля над потоками влияния – от поставок вооружений до маршрутов газа.

Сирийское досье превратилось в многоуровневый узел противоречий, где пересечение интересов США, Турции, Израиля и России демонстрирует распад прежней иерархии силы и формирование сетевой структуры влияния, управляемой через локальные конфликты и энергетические альянсы. На фоне этой трансформации Москва и Анкара вынуждены искать не компромисс, а механизм постоянной адаптации к меняющейся конфигурации региональных рисков, где каждый шаг партнерства сопряжен с элементом стратегического соперничества.

Инструменты урегулирования: форматы, операции и безопасность границ. После того как женеvский формат переговоров оказался неэффективен, Россия 14 декабря 2016 г. выступила инициатором «тройственного механизма» по сирийскому урегулированию. К ключевым посредникам в нем присоединились Иран и Турция – три государства, объективно заинтересованные в снижении напряженности и сохранении стабильности в приграничных зонах. В мае 2023 г. министр иностранных дел РФ С.В. Лавров подчеркнул важность восстановления логистических связей Сирии и Турции, предложив разработать «дорожную карту» нормализации отношений, которая могла бы быть представлена к 20-му раунду переговоров в Астанинском формате [15. С. 50, 53]. В рамках переговорных площадок обсуждались различные проекты будущей конституции Сирии. Основная работа шла на двух направлениях – Женевском, где преобладали представители западных стран, и Астанинском, где участвовали Россия, Иран и Турция. В мае 2023 г. Москва организовала встречу министров иностранных дел Турции, Сирии, Ирана и России, направленную на продвижение диалога между Анкарой и Дамаском. На обсуждение были вынесены четыре узловых вопроса: для Сирии – вывод турецких войск и прекращение поддержки оппозиционных структур; для Турции – нейтрализация автономных курдских формирований и возврат беженцев на родину [20. С. 17, 23]. Астанинский формат превратился в инструмент, где дипломатия трех держав – России, Турции и Ирана – замещает привычные западные посредничества, предлагая не универсальные рецепты

мира, а гибкую архитектуру компромиссов, соразмерную реальному распределению сил на Ближнем Востоке.

В августе 2016 г. Анкара начала первую масштабную военную операцию на сирийской территории – «Щит Евфрата». Поводом послужил террористический акт в Газиантепе. Заявленные цели включали обеспечение безопасности границы на основе «права на самооборону», создание условий для возвращения беженцев и борьбу с террористическими структурами. По мнению В. Аваткова и Р. Гузаерова «... как участие в Астанинском формате, так и серия военных операций на сирийской территории сделали Турцию неотъемлемым участником регулирования конфликта в Сирии. Активная политика Анкары вызвала большие вопросы со стороны западных партнеров, особенно США, привнеся серьезные разногласия в их отношения с Турцией» [2. С. 115, 117]. По запросу президента САР Б. Асада в сентябре 2015 г. президент России В.В. Путин обратился в Совет Федерации с предложением использовать российский воинский контингент для операций на территории Сирии; 30 сентября 2015 г. Совет дал официальное согласие. Российская кампания позволила укрепить позиции сирийской армии и вернуть под контроль правительства значительную часть территории, включая Хомс и Хаму, где были разгромлены вооруженные группировки и их сторонники [14. С. 79, 81]. Военно-силовая активность России и Турции в Сирии превратила поле конфликта в пространство параллельных стратегий, где демонстрация силы служит не столько военным целям, сколько инструментом политического самоутверждения и проверки пределов допустимого партнерства между двумя державами.

Опыт взаимодействия Москвы и Анкары в Сирии продемонстрировал, что военные и дипломатические инструменты, применяемые параллельно, образуют уникальную модель «конфликтного сотрудничества», где ограниченное противостояние становится условием поддержания диалога. В этой гибридной системе баланс сил и компромиссов превратился в главный регулятор отношений, позволяющий обеим державам закрепить влияние без перехода к открытой конфронтации.

Экономические и гуманитарные измерения «постоянного решения». В октябре 2022 г. президент России В.В. Путин предложил переориентировать часть экспортных потоков природного газа, направив их через территорию Турции и создав там международный газовый хаб. Турция располагает значительным потенциалом для реализации такого проекта: она получает газ по трубопроводам из России, Азербайджана и Ирана, контролируя семь экспортных маршрутов, а также обладает двумя СПГ-терминалами, двумя плавучими регазификационными установками и двумя подземными хранилищами [18. С. 3501, 3507]. Сирийский конфликт, начавшийся в 2011 г., продолжает оказывать воздействие на региональные энергетические рынки. Геополитическая напряженность, конкуренция за контроль над транссирийскими газопроводами, соединяющими Иран и Катар с Европой, а также борьба за энергетическую безопасность соседних стран делают Сирию ключевым элементом мировой энергетической

мозаики. Влияние сирийских событий на цены на нефть и газ подтверждает, что энергетическое измерение кризиса выходит далеко за пределы региональной политики [19. С. 180, 183]. Проект газового хаба в Турции превращает энергетическое сотрудничество Москвы и Анкары в стратегическую ось, где экономика и геополитика сливаются в единую систему взаимозависимости, способную перераспределить влияние на маршруты и правила мировой энергетической игры.

Потенциальное падение режима Б. Асада способно вновь активизировать внутренние конфликты между этноконфессиональными группами и оппозиционными силами, что неизбежно повлекло бы новую волну миграции в Европу. Урегулирование миграционного вопроса невозможно усилиями только европейских столиц – Брюсселю необходима координация с Турцией и государствами Ближнего Востока, которые приняли на себя основное бремя размещения беженцев [12. С. 12]. Наличие у Турции разветвленной логистической инфраструктуры и каналов оперативного взаимодействия позволило ей укрепить позиции среди региональных акторов сирийского урегулирования. Быстрое выстраивание коммуникации с новыми властными структурами и демонстрация готовности к долгосрочному партнерству обеспечили Анкаре заметное преимущество перед конкурентами, утратившими прежние возможности влияния на ситуацию в Дамаске [4. С. 131]. Контроль Турции над миграционными потоками и ее способность оперативно адаптироваться к политическим трансформациям в Сирии превращают ее из участника урегулирования в ключевого арбитра, влияющего на баланс гуманитарных и геополитических интересов в регионе.

Энергетическое и гуманитарное измерения сирийского кризиса выявили, что Анкара и Москва выстраивают не просто экономическое партнерство, а комплексную модель взаимозависимости, в которой распределение потоков ресурсов и людей становится элементом стратегического управления регионом. В этой конфигурации Турция выступает посредником между глобальными и локальными процессами, а Россия – системным архитектором, использующим энергетические и политические механизмы для закрепления нового формата регионального порядка.

Заключение. Первое, что проясняет сирийский кейс: «постоянное решение» для Москвы и Анкары не равно финальному миру, а означает запуск устойчивого режима управляемой конкуренции – набора процедур деэскалации, обмена допусками к зонам влияния и взаимной зависимости в энергетике и миграции, который снижает издержки столкновения, но сохраняет пространство для маневра. В этой логике Астана выполняет функцию кодификации минимальных правил игры, тогда как параллельные силовые практики и экономические связки (от газовой инфраструктуры до логистики беженцев) формируют регулятивный каркас, делающий разрыв кооперации дороже ее продолжения.

Второе: долговечность этой конструкции определяется не совпадением целей сторон, а степенью институционализации их разногласий перед лицом внешних ограничителей – США, Израиля и Ирана – то есть способностью

превращать внешнее давление во внутренние правила распределения рисков и выгод. В таком формате Сирия выступает не пунктом назначения, а «полигоном со-производства порядка», где достижимо не согласие по конечному статусу, а стабильная конфигурация взаимного сдерживания, достаточная для поддержания регионального равновесия в полицентричной системе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абайханова (Магаева) П.И.** Россия и Турция: эволюция внешней политики (1920-2020 гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 3. DOI 10.22394/2074-7306-2023-1-3-7-16.
2. **Аватков В., Гузаеров Р.** Сирийский кризис во внешней политике Турции // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). DOI 10.20542/2307-1494-2023-1-111-125.
3. **Айар Б., Арслан О.** Эволюция российско-турецких отношений: идейное сближение и прагматическое сотрудничество // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 3. DOI 10.17323/1996-7845-2023-03-07.
4. **Аль Асад А.** Сирия как арена конкуренции между региональными акторами // Конфликтология / nota bene. 2025. № 2. DOI 10.7256/2454-0617.2025.2.74825.
5. **Антощенко Д.В.** Сирийский фактор в современных российско-иранских отношениях // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 2.
6. **Антощенко Д.В.** Сирийско-израильские отношения в контексте современных кризисов на арабском Востоке // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 2. DOI 10.33693/2223-0092-2024-14-2-45-54.
7. **Ахмедов В.М.** Политика ИРИ в сирийском конфликте // Восточная аналитика. 2024. Т. 15. № 4. DOI 10.31696/2227-5568-2024-04-067-074.
8. **Ахмедов В.М.** Сирийская революция: история и современность // История и современность. 2023. № 4. DOI 10.30884/iis/2023.04.06.
9. **Баранов И.Н.** Роль России в современной внешнеполитической стратегии Турции // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 7 (83).
10. **Вахитов Р.Р., Петров В.К.** Отношения России и Турции во второй половине XX – первой половине XXI в.: циклический характер отношений // Проблемы цивилизационного развития. 2024. Т. 6. № 1. DOI 10.21146/2713-1483-2024-6-1-58-76.
11. **Величко Л.Н., Садченко В.Н.** Трансформация взаимоотношений внутри стратегического треугольника «Россия-Турция-Иран» на Южном Кавказе в 2020-2024 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2025. Т. 18, вып. 2.
12. **Гаджимурадова Г.И., Ткачев А.О.** Европейский союз и проблема сирийской миграции: кризис солидарности, пределы Шенгена и реформы Дублинского регламента // Исламоведение. 2024. Т. 15. № 4 (62).
13. **Гузаеров Р.И.** Новая эпоха политики добрососедства Турции // Международные отношения. 2022. № 2. DOI 10.7256/2454-0641.2022.2.37854.

14. **Джавиш Рагиб.** Практика применения системы политических технологий противодействия терроризму на примере Сирии: специфика, динамика, результативность // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. № 5А. DOI 10.34670/AR.2021.94.59.009.
15. **Касьяненко А.В.** Отношения России, Турции и Ирана в контексте военно-политических связей с Сирийской Арабской Республикой // Международные отношения. 2024. № 1. DOI 10.7256/2454-0641.2024.1.69725.
16. **Крылов Д., Сбитнева А.** Конфликтное взаимодействие Турции и США в рамках сирийского кризиса // Пути к миру и безопасности. 2024. № 1 (66). DOI 10.20542/2307-1494-2024-1-134-149.
17. **Мамедов Р.Ш.** Восточное Средиземноморье и сирийский вопрос во внешне-политических приоритетах России и США // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. DOI 10.18500/1819-4907-2024-24-1-88-97.
18. **Маркелова Э.А.** Международный газовый хаб в Турции как новый проект российско-турецкого сотрудничества: возможности и риски // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 12. DOI 10.18334/err.12.12.116902.
19. **Раздорский Ф.А., Брижак О.В., Журавлева О.В.** Влияние событий на территории Сирийской Арабской Республики на мировой энергетический рынок // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3 (497). DOI 10.47475/1994-2796-2025-497-3-179-187.
20. **Рустамова Л.Р.** Эволюция сирийского мирного процесса и позиции «ключевых» государств по поводу «возвращения» Сирии в арабскую семью // Право и управление. XXI век. 2023. Т. 19. № 3 (68). DOI 10.24833/2073-8420-2023-3-68-15-27.
21. **Савченко Е.О.** Характеристика роли США и их западных союзников на Ближнем Востоке (на примере сирийского конфликта) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 2 (851). DOI 10.52070/2500-347X_2023_2_851_35.
22. **Санаи Мехди, Хушьяр Камран.** Кризис-менеджмент в российско-турецких отношениях (на примере сирийского кризиса 2010-2021 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29. № 2. DOI 10.15688/jvolsu4.2024.2.18.
23. **Торопыгин А.В.** Современные теоретические и практические подходы к многосторонности в международных отношениях: кейс ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. DOI 10.22394/2073-2929-2023-02-169-180.

K.A. LARIONOVA

Postgraduate of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
JSC Rosatom Energy Projects, Project coordinator,
Moscow, Russia
SPIN-код 7435-7115
ORCID ID 0009-0003-5614-8215

SCIENTIFIC SUPERVISOR: R.N. SHANGARAYEV

Doctor of Political Science, Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the Department of Strategic
Communications and Public Administration, Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
Editor-in-Chief of the journal «Bulletin of
International Scholars,»
Moscow, Russia

SYRIA AS A MIRROR OF BILATERAL RELATIONS: IS A PERMANENT SOLUTION POSSIBLE FOR MOSCOW AND ANKARA?

The article proposes an analytical model of «managed competition» to explain the resilience of Russian – Turkish interaction in the Syrian context, demonstrating that the balance between cooperation and rivalry is maintained through institutional linkages of the Astana format, parallel power practices, and interdependencies in energy and migration. Methodologically, the study relies on process tracing, comparative-historical and institutional analysis, as well as case studies of key episodes (the Su-24 incident, the evolution of the «3+3» format, Turkey's operations in northern Syria, and Russia's military campaign). The scientific novelty lies in conceptualizing Syria as a «co-production field of order,» where contradictions are not eliminated but codified into minimal rules of de-escalation and reciprocal access to zones of influence; it is shown that the durability of this regime depends on the degree of institutionalization of disagreements under external pressure from the United States, Israel, and Iran. The results indicate that the «permanent solution» in this configuration does not equal a final peace but represents the stabilization of managed uncertainty, reducing the costs of confrontation while preserving room for maneuver for both sides. The practical significance lies in the potential application of the proposed model for designing Ankara-Damascus normalization road maps, calibrating the parameters of the energy hub, and developing joint mechanisms for managing migration flows.

Key words: managed competition, Astana format, regional security, Russia-Turkey-Iran triangle, energy interdependence, migration policy, Eastern Mediterranean.